

Часть 1. Он

Глава 1

Три-два-один...

Включившееся радио наполнило электронным битом по-детски обставленную комнату. Музыка ворвалась так неожиданно, что лежавшая на кровати Рене испуганно вздрогнула и споткнулась на полуслове очередной мнемоники. Однако привычка не подвела, и, схватив валявшийся рядом конспект, она со всей силы несколько раз ударила им по выключателю старенького приёмника. Тот, кажется, был привезён в Канаду чуть ли не первыми колонистами, а потому совершенно не понимал ласки.

Наконец стоявший около кровати пережиток бакелитовой промышленности одумался, и неуместные в этот ранний час басы стихли, однако покой так и не вернулся. Она села на кровати и задумчиво потёрла протянувшийся через всё лицо шрам, что неприятно зудел. Взгляд упал на часы, а руки сами потянулись к тонкой красной полосе, которую так и хотелось расчесать короткими ногтями. Рене одёрнула себя. Надо было собираться, время поджимало, и над крышами Квебека уже серело предрасветное осеннее небо.

Комната вновь сотряслась развесёлым ритмом, и Рене дёрнулась. Во имя Кохера, Бильрота и Холстеда! Так недолго и поседеть! Она нервно хихикнула, представив, что

где-то в своих постелях вот так же вздрагивали неожиданно проснувшиеся люди, и покачала головой. Похоже, диджей решил довести до инфаркта всех ранних пташек, подсунув в эфир этот хит пресвятой девы поп-сцены. Рене снова вздохнула, в очередной раз безрезультатно хлопнула конспектом по кнопке выключения приёмника и всё же вылезла из кровати.

Потерев одну замёрзшую ступню о другую, Рене, пританцовывая в такт песенке, пробежала в холодную ванную, а оттуда — на резиновый коврик размять ноги в *relevé* и *passé*¹ перед долгим дежурством. После под не менее музыкальный стук зубов она натянула шерстяное платье в весёлых ромашках, заплела непослушные светлые волосы в две немного наивные косички и встретила в зеркальном отражении с собственным нервным взглядом.

Ах, ради бога! К четвёртому году резидентуры² пора бы иметь чуть больше гонора и чуть меньше зубрёжки. Даже если оперировать настолько травмированные нервы предстояло впервые. Даже если до чёртиков страшно. Даже если ради сюжета о Рене Роше сегодня со всей огромной провинции съедутся репортёры, а наставник притащит две группы студентов в назидание подопечной и во имя своего эго. Ведь когда твоя ученица — двадцатилетняя пигалица... Ну хорошо. Двадцатитрёхлетняя. Однако много ли это меняло, если все её однокурсники были лет на пять старше?

¹ *Relevé* — от фр. *relever* — поднимать. Движение, обозначающее подъём на полупальцы.

Passé — от фр. *passer* — проходить. Путь работающей ноги при переходе из одной позы в другую.

² Резидентура — вариант образования после окончания медицинской школы для приобретения узкой специальности. В Канаде в зависимости от направления резидентура длится от двух до восьми лет.

Нет, её возраст действительно стал событием в медицинских кругах, что уж говорить о фамилии!

Роше.

Глупо отрицать, но имя семьи давило. Давило даже в те времена, когда прямо посреди дедушкиного кабинета в Женеве пятилетняя Рене строила кукольные домики из медицинских журналов. Максимильен Роше тогда ещё только претендовал на пост главы Комитета Красного Креста, а потому мог позволить себе несколько вольностей. К тому же он слишком любил свою *petite cerise*¹, что было абсолютно взаимно.

Поскольку родители вечно пропадали в командировках, именно дедушка посещал её выступления в балетной школе, водил в зоопарк и позволял использовать вместо игрушек наглядные макеты печени и почему-то трёх почек. А ещё гордо представлял коллегам и партнёрам, брал с собой на благотворительные вечера, где умудрённые опытом мировые врачи постоянно трепали Рене по белокурым кудряшкам, и не переставал утверждать, что однажды из его внучки выйдет лучший хирург.

Сама она в ту пору не испытывала ни малейшей тяги к какой-либо медицине и, несмотря на невероятные успехи в учёбе, мечтала стать балериной, чем несказанно удивляла знакомых семьи. Кто-то даже неловко шутил, что ей не передался ни один из врачебных генов родителей. Но потом в жизни случился тёмный подвал, протянувшийся от брови до ключицы огромный шрам, и экстерном оконченная с отличием школа. Ну а дальше всё просто: Канада и неожиданно для всех факультет хирургии, куда Рене поступила в четырнадцать лет с опозданием на несколько месяцев.

¹ Маленькая вишенка (*фр.*).

Она хотела сбежать от прошлого и Женевы, однако слава семьи настигла её даже через Атлантику. Увы, вес фамилии оказался слишком большим, вынудив мадемуазель Роше постоянно хватать слишком много нагрузки, зарываться в учебники и зубрить в попытке доказать себе и всему миру, что она не просто известное имя... что она сама по себе. Но, видимо, именно это отчаяние, с которым Рене боролась против предубеждений и ожиданий, принесло ей внимание лучшего в Канаде нейрохирурга, на чьём счету было больше известных учеников, чем у целого медицинского факультета.

Из всех выпускников того года Чарльз Хэмилтон выбрал только её. И хотя поначалу работать с профессором оказалось до чёртиков сложно, спустя несколько лет их деловое общение постепенно переросло в своеобразную дружбу. Они шутили, поздравляли друг друга на Рождество и стали почти семьёй. Девочка, чьи родители восемь из десяти лет проводили в миссиях где-нибудь в Африке, и одинокий старик с мировым именем.

Рене нравился его едкий юмор, топорщившаяся седой щёткой борода и то, как перед сложными операциями он с присущим ему простодушием грассировал американское г в задорном *tout ira bien*.¹ Несмотря на проведённые во французском Квебеке десятилетия, его американский акцент порой вызывал скорбные вздохи у всего персонала. Впрочем, профессору прощалось если не всё, то очень многое, в том числе и отвратительное произношение, от которого вздрагивал каждый уважающий себя франкоканадец. Ведь не любить этого человека было попросту невозможно, даже когда он кидал на амбразуру хирургии малолетнюю соплячку.

¹ Всё будет хорошо (*фр.*).

В который раз вздохнув от нахлынувших переживаний, Рене поскребла ногтями гадко ноющий шрам и накинула тонкую куртку.

Осень в Квебеке наступила как-то слишком уж рано и выдалась особенно суетливой. И всё же стандартное, точно классификация кишечных болезней, сонное утро началось разбег и вместе с медитативно напевающим из наушников голосом не предвещало сюрпризов. Шурша по пути на остановку обёрткой злакового батончика, Рене пинала опавшие листья, глотала из картонного стаканчика пережаренный кофе и вслушивалась в тягучий голос мистера Йорка. Колокольчик из песни убаюкивал нервный мандраж, и когда подошёл первый автобус, волнение прошло. Операция назначена на два часа, а пока... Она уселась поближе к чуть запотевшему окну и закрыла глаза.

Ничем не примечательный путь до больницы прошёл так же скучно, как и всегда. За мутным стеклом медленно проплыла лента низких кирпичных домов, затем мигнули светившиеся жёлтыми фонарями башенки сказочного «Шато-Фронтенак», а потом неуклюжий автобус втиснулся в очередной узкий квебекский переулок и свернул на мост через реку Сен-Шарль, где остановился напротив комплекса огромной больницы. Вылетев из душного транспорта, Рене бегом пронеслась через главный холл и едва успела нырнуть в закрывающий двери лифт. По пути она кивала коллегам и даже успела обменяться парой ничего не значащих фраз со спорящими в раздевалке ассистентами, прежде чем натянула халат и схватила вишнёвый стетоскоп. Через пару минут торопливый перестук её ярко-жёлтых хирургических тапочек потонул в гвалте утренних коридоров.

В этот час в отделении нейрохирургии было особеннолюдно. Уходившие с ночного дежурства медсёстры

громыхали пустыми каталками, из палаты в палату перевозили аппаратуру, повсюду раздавались приглушённые разговоры, смех, какой-то писк и треск. Конечно, госпиталь при крупнейшем университете и так не замолкал круглые сутки, но в часы пересменок становился похожим на высоковольтную вышку. Под потолком каждые десять секунд оживал сонный динамик, то призывая анестезиолога в пятую операционную, то делая объявления для посетителей; между палатами бродили растерянные родственники пациентов, а в ординаторской напротив негатоскопа допивали вторую чашку кофе врачи. В общем, день набирал обороты, а вместе с ним начинала разбег обычная для резидента канитель ассистентских забот.

— *Bonjour*, Энн, — торопливо бросила Рене молодой медсестре, которая что-то сосредоточенно записывала в электронный журнал и одновременно прижимала к уху телефонную трубку.

Услышав приветствие, та подняла большие голубые глаза, и собранные в два весёлых пучка рыжие волосы, что делали её похожей на милую японскую куколку, задорно качнулись.

— Ты сегодня в «вишенках»? — спросила девушка и перегнулась через собственный стол, пытаясь что-то там разглядеть. Правда, Рене всё равно пришлось задирать ногу и продемонстрировать разрисованную улыбающимися мультяшными ягодами ярко-жёлтую тапочку. — Супер! Значит, в эти сутки никто не умрёт. Люблю работать в твою смену, — выдала медсестра, а затем положила на стойку пачку разноцветных папок и вернулась к расписанию дежурств.

Иногда Рене поражалась, насколько Энн могла быть суеверной и находить благоприятные знаки даже там, где тех от природы не могло быть. Например, эти дурацкие

тапочки-«вишенки», которые якобы приносили удачу. Или вот забытый кем-то в ординаторской кактус, что носил имя «Джек» и обязательно зацветал перед неделей непрерывных операций на черепе, после которой всем в отделении хотелось если не прыгнуть в окно, то напиться до остановки пульса уж точно. Всё что угодно, лишь бы не видеть во сне снова чьи-то мозги. Но, когда Рене уже собралась пошутить об этих приметках, маятниковые двери пафосно распахнулись.

В коридор вышли двое рабочих, а следом за ними вплыл глава отделения. Он нёс в руках огромный рулон со свёрнутым транспарантом и сосредоточенно высматривал нечто неведомое под навесным потолком, прежде чем заметил нужную нишу. Через пару минут под удивлённым взглядом ничего не понимавшей Рене через весь коридор протянулся плакат.

— *Симпозиум по неотложной хирургии в нейротравматологии*, — медленно прочитала она и повернулась к стойке администратора под звук шуруповёртов рабочих. — Что это?

— Очевидно же: симпозиум по хирургии. Неотложной, — машинально откликнулась Энн.

— Но почему?!

Вопрос был риторическим и включал в себя не столько удивление тематикой, сколько «почему именно здесь», «почему именно сегодня» и наконец «почему нам ничего не сказали». Однако, встретившись с укоризненным взглядом дежурной медсестры, Рене нахмурилась.

— Потому что так решило руководство, — проворчала та. — Иди и спроси своего наставника, например. Это он в последний момент настоял, чтобы мероприятие состоялось у нас в отделении.

— Профессор Хэмилтон знал? — Стало ясно, что рабочая смена решила пойти под откос прямо с утра. Рене озадаченно моргнула, а затем растерянно повторила: — Но почему...

— Говорят, из Монреаля прикатит какая-то очень важная шишка. И поскольку последнее выступление до обеденного перерыва закончится аккурат перед твоей операцией, то... — Энн игриво вздёрнула брови, а Рене застонала, — то думай сама, сколько старых маразматиков во главе с главным снобом придут на тебя поглазеть. И это я молчу про придурков с камерами, которые наверняка забудут выключить вспышки.

Чёрт! Унявшаяся было тревога вспыхнула снова, и Рене нервно отбила жёлтым носочком рваный ритм. Она очень хотела знать, почему Хэмилтон ничего не сказал.

— Может быть, он просто забыл? — пробормотала Рене сама себе, но Энн скептически хмыкнула. — Ну не мог же он меня подставить... Это не в его характере. Просто абсурд!

— Угу-угу. Ты всегда веришь в лучшее, радужных единорогов и ванильных пони, — саркастично протянула медсестра. — Спустись на землю, Роше. Тебе осталось два года до экзамена на лицензию. Прости, но пришло время показательных выступлений. А значит, всё. Кыш. Иди работай и повтори там... что вы там повторяете?

— Протоколы.

— Вот. А ещё не забудь про пациентов. Ночью твоего эпилептика перевезли в отделение, просил передать: его больше не тошнит.

Рене недоумённо замерла, пытаюсь понять, отчего новость прозвучала столь необычно, моргнула, а потом улыбнулась так радостно, что Энн усмехнулась.

— Он заговорил? О! Спасибо! — Она подхватила папки и перегнулась через стойку, чтобы поцеловать медсестру в щёку. Та смущённо замахала рукой, словно отгоняла надоедливую муху, и вернулась к подсчёту смен.

— Да я-то здесь причём? Ты же оперировала.

— За новости, — мягко ответила Рене. — Сколько бы ты ни ворчала, но ведь любишь сообщать нам хорошее.

Она весело подмигнула, а Энн притворно нахмурилась.

— Твою блаженность даже могила не исправит, — донеслось добродушное бухтение медсестры, когда Рене уже бежала по коридору. — Он в пятой!

Но это она уже видела сама, остановившись около двери с картой пациента в прозрачном держателе. Рене коротко постучала и вошла в палату, которую расчертили золотые полосы утреннего солнца.

— *Bonjour, monsieur Josher!*

— Ах, доктор Роше.

Полный мужчина лет сорока с опухшим из-за недавней операции лицом и перебинтованной головой попробовал сесть, но был тут же остановлен. Привычно взяв пульт, Рене приподняла спинку, а сама одной ногой подтянула поближе стоявший около двери табурет. Шум колёсиков привлёк внимание мистера Джошера. Он глянул вниз — туда, где обутая в жёлтую обувь нога упёрлась в металлическую опору кровати, — и удовлетворённо кивнул.

— «Вишенки».

Рене приподняла брови, отвлекаясь от чтения записей ночной смены, и взглянула на своего пациента.

— Что, простите?

— Вы сегодня надели «вишенки», — как ни в чём не бывало продолжил мистер Джошер, а затем указал на её обувь. — Почитал о вас на больничном форуме... Ну и в Сети, конечно. Когда разрешаешь кому-то вскрыть

себе череп, лучше знать об этом человеке побольше. Правда?

Он весело хохотнул, не замечая застывшего взгляда Рене.

— Неужели? — медленно произнесла она, хотя не сомневалась, что прозвучит следом.

— Да. Вот и узнал про счастливые «вишенки», а заодно и то, что вы внучка самого Максимилиана Роше. Такая честь! После этого у меня исчезли последние сомнения, ведь у такого гения не может быть...

— Что ж, как вижу, речевые навыки интактны, — торопливо перебила Рене, не желая в очередной раз выслушивать сентенции о бездарностях, яблоках и яблонях, а потом ещё массу стереотипов. Она скованно улыбнулась и отложила планшет. — Область, в которой происходили припадки, располагалась рядом с речевым центром, однако нам с профессором Хэмилтоном удалось иссечь её, не затронув когнитивной активности. Это хорошо.

Она приступила к стандартному осмотру, записывая данные с аппаратуры и поясняя свои действия как-то неожиданно резко замолчавшему пациенту. Мистер Джошер внимательно за ней следил, отвечал на вопросы, но больше не делал попыток заговорить. Только когда наконец был заполнен последний пункт стандартной анкеты, он пошевелился и пожевал губами, словно раздумывал о чём-то. Рене же поднялась, чтобы попрощаться.

— Ещё несколько дней возможны головокружения...

— Правду пишут, что с вашим приходом становится легче, — внезапно заметил он и посмотрел в окно, где уже вовсю разгорался новый день.

— Я всего лишь делаю свою работу, — пожала плечами Рене.

— Все делают, — хмыкнул мистер Джошер. — Одно и то же во всех больницах страны. Протоколы везде одинаковы, но только про вас ходят такие слухи.

— Сплетни, вы хотели сказать, — вздохнула она и подхватила папки с документами.

— Скорее, легенды, — последовала ухмылка.

Рене немного скованно улыбнулась в ответ и досадливо покачала головой. Вот ведь чудак.

— Это обычная психология общения с пациентами. Никакой магии. Об этом ещё писал Бернард Лаун¹.

Рене пожала плечами, в последний раз напомнила, с какой стороны находится кнопка вызова дежурной медсестры, и вышла из палаты.

Ну а дальше день полетел как-то уж слишком быстро. Потратив всё утро на сумбурные отчёты ночной смены и осмотры своих пациентов, Рене всё же успела до обеда сбежать на несколько докладов симпозиума, выслушала ворчание главы отделения и теперь пыталась готовиться к завтрашнему тесту. Но нервный рабочий пейджер то и дело раздражался вибрацией от сообщений, отчего и без того дёрганая Рене постоянно пугалась и сбивалась с текста. Если так пойдёт дальше, завтрашний тест она точно завалит.

— Хватит переживать, — привычно проворчала Энн.

Медсестра стояла рядом и распечатывала бесконечные листы назначений. Она бросила недовольный взгляд

¹ Бернард Лаун — американский врач-кардиолог, изобретатель дефибриллятора. Знаменит не только своими разработками в области кардиологии, но и принципами обращения с пациентами, основанными на участии и сопереживании. Его опыт изложен в книге «Утерянное искусство врачевания» и показывает, насколько сильно влияют отрицательные эмоции на состояние пациентов и успешность их выздоровления.

на Рене, которая вот уже вторую минуту нервно крутила меж пальцев ручку, и вдруг принялась шарить в кармане своего костюма. Наконец, найдя искомое, Энн протянула крем.

— Держи. Твоя кожа уже похожа на пережёванный коровой папирус. Скоро кисти совсем засохнут и отвалятся. А если покроешься коростами из-за раздражения, то можешь забыть об операционной. Я тебя туда не пущу.

Хмыкнув, Рене выдавила на ладонь немного вязкой пахнущей пряной мятой массы и принялась методично втирать её в руки.

— Спасибо, вечно забываю... — начала было она, но в этот момент в комнате что-то сильно задребезжало.

— Что за... — не договорила Энн и замолчала, ошарашенно повернувшись к зазвеневшим окнам.

Те занимали три огромных проёма маленькой ординаторской и открывали вид на парковку перед главным входом больницы. Их пластиковые контуры всегда гарантировали тишину для врачей и пациентов, однако прямо сейчас стёкла в современных герметичных рамах заходили мелкой дрожью. А та перешла сначала с окна на подоконник, а затем пробежала по бетонному полу и ввела в резонанс карандаши на рабочем столе. Сердце Рене на секунду тревожно сжалось в предчувствии землетрясения, но в следующий миг уши неожиданно уловили ритмичный бас, а затем и высокий электронный голос. Тот повторял непонятные, но явно однотипные слова, что сливались в утомительный гул, который приближался откуда-то с улицы и нарастал удивительно быстро.

Молча переглянувшись, Рене и Энн не сговариваясь ринулись к одному из окон. Следом за ними на происходящее решил поглазеть весь оказавшийся в ординаторской

персонал, а потому, подобно сгусткам на стенках пробирки, они налипли на подоконники.

Гром, гром!

Гро-гро-гром, гром! — донеслось с улицы, где непонятные звуки всё же сложились в осмысленный текст.

Рене прижалась лбом к прохладному стеклу и посмотрела вниз. Как раз вовремя, потому что источник недопустимого в стенах лечебного учреждения шума наконец-то появился из-за деревьев и по всем законам дурного вкуса оказался нёсшимся на огромной скорости спортивным автомобилем. Он был огромным и чёрным, а на его капоте светился неведомый значок, скорее всего, такой же вульгарный, как и сама машина. А та, визгливо вырулив на расположенную напротив главного входа парковку, резко затормозила, начертила на гладком асфальте четыре чёрные полосы, а потом медленно подкатила до разделительной разметки. Громкость музыки стала невыносимой.

За спиной Энн кто-то начал ругаться, и Рене обернулась, удивлённо посмотрев, как растёт позади них толпа. Группа любопытных студентов пыталась протиснуться ближе, явно пропустив начало. И без этого впечатляющего вступления не заметить орущий спорткар посреди обычных машин было бы сложно. И не только из-за того, что бешеная машина невоспитанно заняла собой сразу три парковочных места, но и из-за доносившегося через настежь открытые окна:

Гром, почувствуй гром,

Ударит молния и грянет гром, гром.¹

¹ Imagine Dragons — Thunder.

Газанув напоследок явно тюнингованным выхлопом и издав несколько прострелов, отчего у припаркованных рядом автомобилей сработала сигнализация, автомобиль затих, стёкла поднялись, а не различимый издали знак на решётке радиатора потух. В ординаторской повисла ошалелая пауза.

— И что это за шарабан? — спросила в наступившей тишине Энн.

Рене хотела было укоризненно взглянуть на коллегу, для которой, по идее, оскорбление пациентов, какими бы засранцами те ни были, запрещалось медицинской этикой, но не сдержалась и прыснула. Следом за ней засмеялся кто-то ещё, послышались саркастичные комментарии... Но все мгновенно затихли, когда водительская дверь агрессивной машины открылась, а под высоким квебекским солнцем появилась мужская фигура.

Человек медленно снял солнцезащитные очки, огляделся, и в этот момент к нему навстречу ринулась толпа журналистов под предводительством главного врача больницы. Замелькали вспышки, потянулись руки с зажатыми в них диктофонами, но гость не пошевелился. С третьего этажа их наблюдательного пункта Рене не видаела черт, только общий образ смутьяна, который показался ей неприятным, но она тут же одёрнула себя. Врач должен быть непредвзят. Всегда. Так что она на мгновение зажмурилась, а затем вновь уставилась на незнакомца, чья черноволосая голова поплавающим возвышалась над бурным людским морем. От такого сравнения она снова фыркнула, а раздавшиеся за спиной шутливые вопросы доказали, что Рене не одинока.

— Баскетболист, что ли?

— Непохоже. Те вроде помассивнее будут.

— Да что с такого расстояния разглядишь? Может, хоккеист. Приехал лечить застарелые травмы...

— Мрачный какой. И причесался бы... Или это так модно?

— Он явно неадекватен, с таким-то поведением.

Последовали согласное мычание и целый дифференциальный диагноз с версиями от расстройства личности до дерматита.

Голоса звучали ехидно, даже немного зло, что было нехарактерно для коллег — профессионалов своего дела. И Рене задумалась, как одним своим появлением незнакомец умудрился настроить против себя абсолютно всех, не приложив ни малейших усилий и не произнеся ни слова. Что ж, это и впрямь поразительный талант!

Тем временем группа людей внизу обменялась рукопожатиями, а затем двинулась в сторону главного входа. И поскольку одетый полностью в чёрное гость явно не торопился сбавлять своего гигантского шага, Рене со смущением наблюдала, как спешно семенил глава их больницы за слишком пафосным визитёром. А тот не поворачивался, когда к нему обращались, равнодушно смотрел в телефон и всем своим пренебрежительным отношением стремился показать, насколько ему здесь не нравится. В общем, вся ситуация выглядела чертовски неловко. Будто для приехавшего сноба они не больница при старейшем университете Канады, а медицинский офис где-нибудь в Юконе.

Рене поджала губы и отвернулась. Нехорошо было судить о людях вот так, со стороны, не перемолвившись с ними даже парочкой слов. Но этот... экземпляр осознанно нарывался. Так что, поскорее отойдя подальше от окна, чтобы потом не пожалеть о своих не самых